

ПИСЬМО КАЧАЛОВА БУНИНУ

Осенью 1912 года русская общественность отмечала 25-летие литературной деятельности выдающегося писателя, почетного академика Ивана Алексеевича Бунина. В Москве чествование юбиляра состоялось 28 октября 1912 года в помещении Литературно-художественного кружка.

Многие писатели и деятели искусства прислали И. А. Бунину свои поздравления. Среди них был и Василий Иванович Качалов, обратившийся к Бунину с письмом. Этот замечательный образец эпистолярного наследия великого артиста интересен не только проникновенным пониманием творчества Бунина, но и является прекрасным «самораскрытием» Качалова-художника, страстно влюбленного в жизнь.

Поэзия И. А. Бунина всегда волновала В. И. Качалова. «Кажется, весной 1944 года,— пишет А. Агапитова,— в период творческого подъема, В. И. как-то неожиданно вспомнил строки старого стихотворения Бунина о яблоне и вдруг произнес их, медленно, точно на ощупь, восстанавливая:

«Как в снегу, в цвету весеннем благовоном
 Вся-то ты гудишь блаженным звоном
 Пчел и ос, завистливых и злых.
 Старишься, подруга дорогая?
 Не беда! И будет ли такая
 Молодая старость у других...».

Письмо В. И. Качалова И. А. Бунину в 1956 году приобретено Государственным музеем И. С. Тургенева у К. П. Пушечниковой — жены племянника писателя. В настоящее время оно хранится в фондах музея. Публикуется впервые.

Л. АФОНИН

*Глубокоуважаемый
 Иван Алексеевич!*

Прошу Вас принять и мой запоздалый привет. Я не приветствовал вас вчера письменно, так как надеялся и очень хотел сделать лично в Л. [литературно]-Х. [художественном] кружке. Но, к большому сожалению, мне не удалось туда попасть.

А мне очень хотелось позжать Вам руку и присоединить свое спасибо ко всем благодарственным и приветственным словам, какие Вы выслушали за эти дни. И хотелось мне этого не только потому, что я давнишний и большой поклонник Вашего таланта — такого ясного, несомненного, убедительного и привлекающего, а еще и потому, что Ваш талант всегда и неизменно будит во мне одно очень важное и дорогое для меня чувство — любовь к жизни. Вы любите жизнь и умеете заразить Вашей любовью меня. Может быть, тут недоразумение, может быть, я криво и плоско реагирую на Вашу поэзию. Не знаю. Но так чувствую. Жизнь — благо, жизнь — благо, — звучит у меня в душе, когда я Вас читаю. Слава богу, что я зажил на свете, дышу, смотрю, недоумеваю, постигаю, озабоченность открываю, падаю в темноту,

отогреваюсь на солнце, — все благо. И тоскую, жалко себя, жалко всех, и страшно, темно, не понимаю и не верю, холодно, плачу, злюсь и ропщу на горькую чашу, — но пью из нее, и не могу, не хочу оторваться, и благодарю бога за то, что дал мне из нее попить. Благословляю жизнь, — и люблю Вас, тянусь к Вам, потому что и Вы благословляете и с любовью принимаете ее. Какой бы грустью ни наполнились Ваши глаза, — они все так же пристально и любовно глядят на жизнь. И Вы заражаете этой любовью, не только потому, что владеете послушным, звенящим, прекрасно настроенным талантом, но и потому, что хотите этого, потому что любите нас, — ведь мы кусочки этой жизни, Вами возлюбленной. А мы отвечаем Вам теплой, живой благодарностью.

Извините, Иван Алексеевич, за длинное письмо, за плохой почерк и позвольте еще раз крепко позжать Вашу руку — с большой любовью.

Глубоко Вас чту.

Василий Качалов

29-е октября 1912.